

ЭТЮДЫ О МОЛЬЕРѢ

МИЗАНТРОПЪ

(ОПЫТЪ НОВАГО АНАЛИЗА ПЬЕСЫ И ОБЗОРЪ СОЗДАННОЙ ЕЮ ШКОЛЫ).

МОНОГРАФІЯ

Алексѣя Веселовскаго.

ИЗДАНИЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА

МОСКВА. 1881

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собствен. домъ.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. Москва. 1870.

Ц. 2 руб.

Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater, 1672—1756. Prag.

1876 (въ Москвѣ у Ланга и Дейбнера). Ц. 1 р. 25 к.

Этюды о Мольерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы. Москва. 1879.

Ц. 2 руб.

МИЗАНТРОПЪ

ЭТЮДЫ О МОЛЬЕРѢ

МИЗАНТРОНЪ

(ОПЫТЪ НОВАГО АНАЛИЗА ПЬЕСЫ И ОБЗОРЪ СОЗДАННОЙ ЕЮ ШКОЛЫ)

МОНОГРАФІЯ

Алексѣя Веселовскаго

— ИЗДАНИЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА —

МОСКВА. 1881

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собственный домъ.

Ms. 247. 14

Harvard College Library
From the Library of
Ferdinand Bôcher
Gift of James H. Hyde
X 1881 1882

Мизантропъ Мольера—одно изъ тѣхъ избранныхъ созданий человѣческой мысли, которыя съ необыкновенно возбуждательной силой способны увлекать изслѣдователя въ разностороннѣйшія разысканія и соображенія. Стоитъ прикоснуться къ такому произведенію,—и точно вѣщая, сказочная сила неотразимо манитъ всмотрѣться въ глубину его, разглядѣть всѣ нити, связывающія его и съ стариною и съ потомствомъ; вереница вопросовъ и общихъ, широкихъ, и чисто-спеціальныхъ, возникаетъ сама собою. Въстѣ съ тѣмъ живо чувствуется, что это созданіе давно минувшихъ лѣтъ не можетъ утратить своей свѣжести и для новѣйшихъ поколѣній, что они въ состояніи находить въ немъ отзвукъ своихъ собственныхъ заботъ и стремленій; съ интересомъ видишь, какъ каждое изъ нихъ возвращается къ нему, пытается усвоить его себѣ, вложить въ него новое содержаніе—и такимъ образомъ мало по малу обрисовывается одно изъ многовѣковыхъ теченій въ умственной жизни человѣчества.

Но, подвергаясь издавна тщательному анализу, *Мизантропъ* только въ наши дни начинаетъ высвобождаться изъ тенетъ формальной эстетической критики. Еще не замолкли старые споры о томъ, задуманъ ли былъ Мольеромъ характеръ главнаго героя пьесы въ смыслѣ лица чисто-комиче-

скаго, осужденнаго на смѣхъ зрителей, или же въ Альцестѣ собрано все, въ чемъ автору грезился идеалъ мужественнаго поборника правды и честности. Еще недалеко отъ насъ то время, когда настоящую комедію можно было разсматривать какъ спокойно-объективное произведеніе, вѣрное старому ложно-классическому пошибу, — когда большинство цѣнителей пьесы принимало въ буквальный смыслъ ея заглавіе и искало въ ней изображеніе судьбы „ненавистника людей“. Лишь съ той поры, когда изученіе біографіи Мольера сдѣлало серьезные успѣхи, и задушевная исторія поэта стала доступна нашему пониманію, и Мизантропу придано истинное его значеніе; въ немъ начинаютъ видѣть искреннѣйшую авторскую исповѣдь, выразившую сполна недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и отразившую въ судьбѣ героя сердечное горе автора. Передъ этимъ непреложнымъ фактомъ должны были постепенно замолкнуть догадки о *комизмѣ* Альцеста, и его реформаторскія стремленія, опередившія свой вѣкъ, выступили ярко наружу. Невозможно было болѣе толковать и о ненависти къ людямъ при видѣ страданій человѣка, который готовъ всю душу положить за возрожденіе человѣчества.

Приходилось пересмотрѣть укоренившіеся предвзятые взгляды и сужденія, и на мѣстѣ ихъ возвести новое объясненіе пьесы, основанное на точныхъ данныхъ и психологически-вѣрное.

Такова была задача, которую мы поставили себѣ въ настоящей монографіи. Прежде всего пришлось опредѣлить мѣсто, занимаемое вообще мизантропіей въ ряду многочисленныхъ проявленій пессимизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличить и въ этомъ душевномъ настроеніи различныя характеристическіе оттѣнки, отъ прямо болѣзненной ненависти до честнаго негодованія, которое само по себѣ служить источни-

комъ горячей и благородной дѣятельности. Альцестъ могъ подойти лишь къ послѣдней разновидности основного типа; мы убѣждаемся на каждомъ шагѣ, что прозвище мизантропа придано было ему подѣ вліяніемъ рутины, за отсутствіемъ иного, болѣе вѣрнаго термина. Сосредоточенный мыслитель, неудавшійся общественный дѣятель, другъ правды, онъ былъ столько же отраженіемъ новаго типа людей, уже выдвигавшихся въ обществѣ временъ Мольера, какъ и выразителемъ убѣжденій самого поэта—и поэтому необходимо было характеризовать подобныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ возсоздать настроеніе самого Мольера въ пору появленія Мизантропа, одну изъ наиболѣе тяжелыхъ во всей его жизни. Семейная драма, испытанная Мольеромъ, дала затѣмъ окончательно ключъ къ фабулѣ его пьесы.

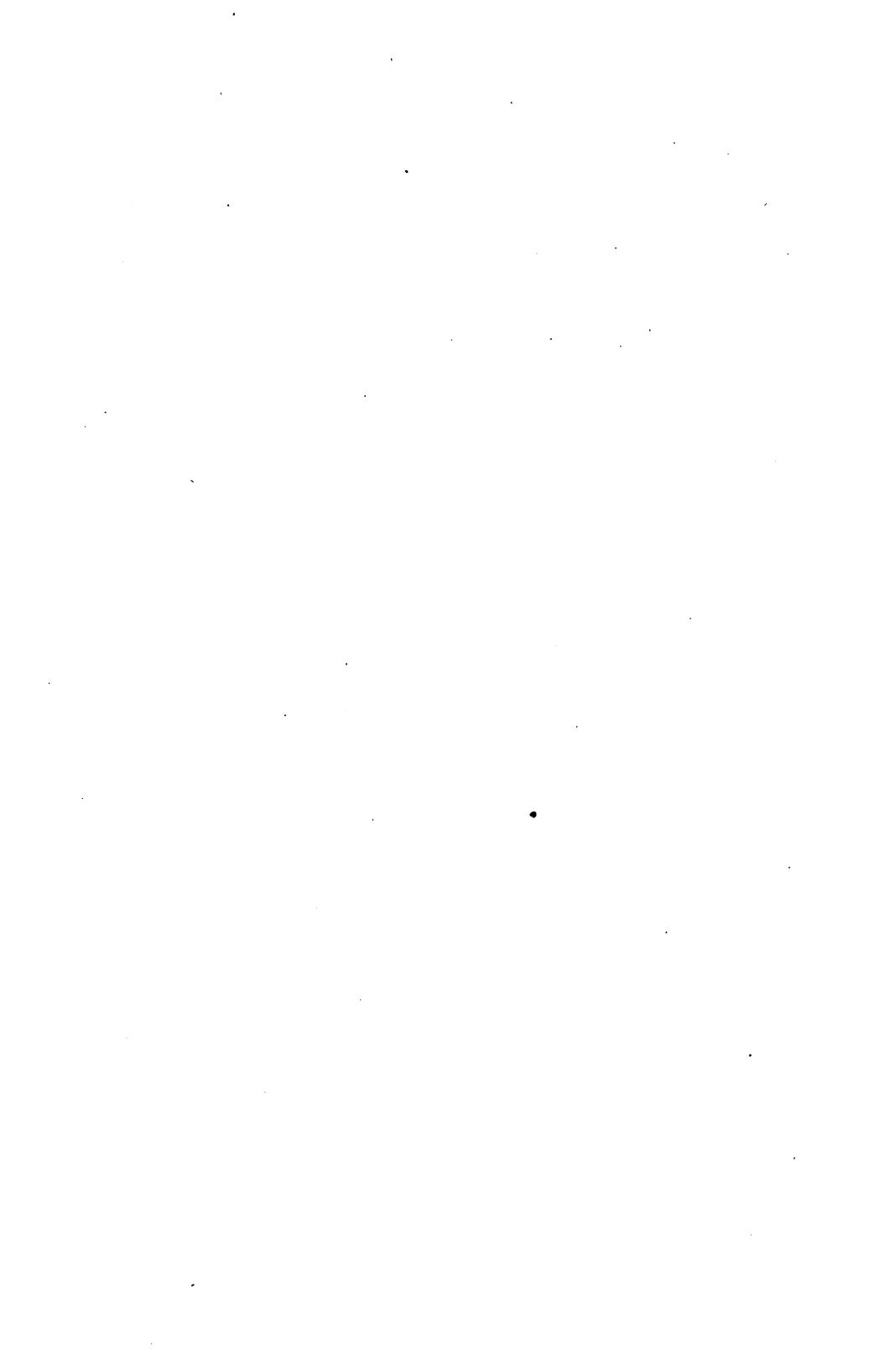
Самостоятельная и въ сильной степени субъективная, она не имѣетъ такой богатой исторіи предшествовавшаго развитія типа, какою, напримѣръ, надѣленъ *Тартюффъ*; заимствованія и точки соприкосновенія ея съ источниками не многочисленны. Тѣмъ не менѣе важно было точно опредѣлить степень ея самостоятельности, и преимущества пониманія Мольеромъ того характера, который до него изучали такіе соперники, какъ Лукіанъ, Корнель или Шекспиръ. Установивъ такимъ образомъ независимость мольеровскаго творчества, мы шагъ за шагомъ изучали затѣмъ всѣ частности комедіи, отъ характеровъ и плана ея до мелочей слога, и разсмотрѣли различныя теоріи, въ разное время возводившіяся комментаторами пьесы. Но она богата не только этимъ запасомъ пояснительныхъ матеріаловъ, неразлучнымъ съ каждымъ крупнымъ литературнымъ произведеніемъ: у Мизантропа (опять въ противоположность Тартюффу) есть обширное литературное послѣсловіе, длинный рядъ попытокъ потомства акклиматизировать, переработать, присвоить его се-

бѣ. Этотъ эпилогъ пьесы мы старались вставить въ культурно-историческія рамки, объяснившія различныя, съ виду капризные, колебанія въ симпатіяхъ общественнаго мнѣнія и критики.

Но въ этомъ литературномъ потомствѣ Мизантропа самымъ свѣтлымъ явленіемъ выступаетъ произведеніе, особенно дорогое русскому человѣку,—грибоѣдовское *Горе отъ ума*. Составляя неотъемлемую подробность общей картины, оно заслуживало вмѣстѣ съ тѣмъ особаго изученія, и съ живымъ удовольствіемъ мы заканчиваемъ свою работу опредѣленіемъ той тѣсной духовной близости, которая соединяетъ произведеніе стараго французскаго комика съ классической русской комедіей. Безъ *Альцеста* не было-бы, можетъ быть, и *Чацкаго*, — и это не малая заслуга въ ряду достоинствъ, присущихъ Мизантропу.

Такимъ образомъ настоящая работа соединяетъ общія психологическія наблюденія съ критическимъ анализомъ текста, и результатами сравнительнаго изученія старается подкрѣпить данныя исторіи новой культуры. Во всѣхъ направленіяхъ давала сильный импульсъ эта богатая содержаніемъ, оживляющая умъ и не старѣющая пьеса. Да и могутъ ли старѣть пьесы, такъ глубоко подмѣтившія основныя черты человѣческаго духа! Могучимъ рѣзцомъ проведены въ нихъ сатирическія черты, и въ мысли потомка невольно оживаютъ онѣ, когда текущая злоба дня снова принимаетъ ту же складку, которую пришлось наблюдать старому автору. Слишкомъ двѣсти лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи Тартюффа и Мизантропа, и различіе національности и бытовыхъ условій рѣзко бросается въ глаза,—но кто-же, напримѣръ, видя успѣхъ различныхъ Тартюффовъ въ русскомъ обществѣ, не готовъ будетъ иной разъ повторить и теперь суровыя порицающія рѣчи мольеровскаго „мизантропа“!...

Для работы нашей мы пользовались, кромѣ книгохранилища парижской Національной Библіотеки, богатою по исторіи стараго театра Библіотекой Арсенала и цѣннымъ пособіемъ архива Théâtre français; съ признательностью вспоминаемъ мы о радушной помощи такихъ знатоковъ дѣла, какъ Эд. Тьерри, Поль Лакруа, и редакторъ перваго журнала, посвященнаго Мольеру, Жоржъ Монваль.

I.

Въ области человѣческихъ міровоззрѣній съ незапамятной поры происходитъ борьба двухъ крайнихъ, непримиримо враждебныхъ ученій, обладающихъ одинаково чудотворной особенностью погружать все земное или въ непроглядную, безразсвѣтную тьму или же озарять все живущее свѣтлымъ, даже ослѣпительнымъ, нестерпимымъ солнечнымъ блескомъ. Одно изъ нихъ склонно считать положительнымъ лишь страданіе и горе людское, другое, подъ знаменемъ безсмертнаго доктора Панглосса, считаетъ данный міровой строй наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. По временамъ одна сторона одерживаетъ верхъ, — и этимъ торжествомъ она всегда обязана тому складу, который приняла окружающая жизнь: дружный порывъ общественныхъ силъ къ обновленію внушаетъ лучшимъ людямъ радужныя надежды на осуществленіе своихъ идеаловъ, тогда какъ давящая реакція, коль скоро ей удастся глубоко пустить корни, стать явленіемъ хроническимъ, погружаетъ цѣлыя эпохи въ тьму безотраднaго уныніа и безпомощности. Но въ исторіи человѣчества рѣдки свѣтлыя эпохи возрожденія, когда становится отрадно жить и дѣйствовать, когда возможна искренняя, почти дѣтски-наивная довѣрчивость; пора первыхъ освободительныхъ торжествъ реформаціи, сверженіе старыхъ боговъ энциклопедизмомъ и провозглашеніе первыми двигателями революціи правъ личности и народа — такія эпохи въ состояніи вовлечь не только сочувственную массу, вообще весьма расположенную къ усыпляющему сознанію благополучія, но и ея вождей, въ миражъ оптимизма. Безмѣрно

щедрѣ судьба на періоды застоя, борьбы противъ этихъ освобождающихъ ученій, попытокъ повернуть жизнь вспять,—и въ этой затхлой атмосферѣ широко разрастается царство пессимизма, бьющагося въ отчаяніи объ эти препятствія и доходящаго въ наши дни до грандіозно-чудовищнаго Гартмановскаго проекта самоубійства всего человѣчества, вмѣстѣ съ гибелью земного шара ¹⁾).

Потому-то пессимизмъ имѣетъ за собой такую долгую и сложную исторію, ²⁾ которую не можетъ похвалиться противоположное ему крайнее учение. Горькое разочарованіе въ людяхъ слышится намъ чуть не на первыхъ же ступеняхъ исторической жизни человѣчества, которая уже въ безхитростную эпоху стараго еврейства является для иныхъ *суетою суетъ*, и отвращеніе къ злу, царящему надъ міромъ, сближаетъ между собою самыя отдаленныя эпохи. „Того быть не можетъ, чтобъ честнаго человѣка не раздражало зло“, говорилъ еще Теофрастъ, а за нимъ и Сенека ³⁾; „кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“, повторилъ за ними много вѣковъ спустя нашъ Пушкинъ, подъ влияніемъ одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ тоски, о которой свидѣлствуютъ его элегіи. И та же нота будетъ неотразимо преслѣдовать насъ въ произведеніяхъ всѣхъ временъ и народовъ,—если только въ характерѣ ихъ авторовъ уцѣлѣло хоть сколько нибудь энергіи, чуткости къ людской неправдѣ, и чувства независимости. Мы видимъ безконечныя варіаціи на одну и ту же тему: зрѣлище зла должно возмущать честнаго человѣка, а масса зла, переполнившая мѣру и торжествующая, должна возбудить въ немъ

¹⁾ Онъ подробно развитъ въ третьемъ томѣ Философіи Безсознательнаго.

²⁾ Новѣйшее время было очень богато изслѣдованіями о пессимизмѣ, но они большею частью ограничивали историческую часть весьма скромными размѣрами (какъ это дѣлаетъ наприм. Соли или Каро) и предпочитали останавливаться на изученіи отдѣльных системъ, и то преимущественно лишь Шопенгауера, Леопарди, Гартмана. Такимъ образомъ связная исторія постепеннаго развитія пессимистическихъ воззрѣній еще впереди.

³⁾ De ira (Соч. Сенеки, изд. Гаазе, 1852, стр. 46).

презрѣніе къ людямъ, ко всей ничтожной, суетной человѣческой породѣ. Въ этихъ варіаціяхъ много весьма тонкихъ оттѣн-ковъ; болѣе ровныя натуры останавливаются на общемъ чувствѣ безглицности и находятъ — высшую мудрость въ философскомъ отдаленіи отъ зла; они могутъ найти счастье на лонѣ деревенской природы, — куда спасутся, отрясая съ ногъ своихъ, какъ прахъ, всю суету людскую. Скептикъ въ родѣ Эразма или Ларошфуко, въ негодованіи, возведетъ въ систему черствый эгоизмъ людской или заразившій всѣхъ духъ притворства, объяснить имъ всѣ наши душевныя дви-женія, не оставивъ мѣста никакимъ безкорыстнымъ побуж-деніямъ. Душевно больной Тимонъ аѳинскій, въ припадкѣ мрачной, почти звѣрской ненависти къ вѣроломнымъ друзь-ямъ, готовъ находить наслажденіе въ лютой мести и отдается самымъ низкимъ влеченіямъ. Авторъ Гулливерова путе-шества доведетъ до позорной микроскопичности всѣ мнимо-волканическія или же идеальныя страсти и помыслы, вла-дѣющіе человѣчествомъ, и покажетъ намъ тотъ омутъ, въ которомъ оно вращается. Любой представитель новѣйшей разочарованности, отъ Сень-Прэ и Вертера до лермонтов-скаго Героя нашего времени, презираетъ по своему и лю-дей, и общество, и часто ищетъ себѣ избавленія отъ гнета жизни въ пистолетномъ выстрѣлѣ. Наконецъ это презрѣніе и вѣра въ неисходность страданій складывается въ осмы-сленную философскую систему Шопенгауера, со всѣми со-временными ему и позднѣйшими его послѣдователями, кото-рые, отрекаясь отъ всякой личной инициативы, сознавая полную невозможность прогресса, рѣшаютъ старый Гам-летовскій вопросъ или въ пользу совершеннаго *не бытія*, или, что еще мучительнѣе, въ пользу смерти заживо, буд-дійской *нирваны*.

Всѣ эти люди, какъ ни разнородны кажутся они намъ на первый взглядъ, — члены одной большой семьи; у нихъ об-щее вѣроисповѣданіе, часто сходные приемы; но темпера-ментъ, степень нервной чувствительности, цѣпь различнѣй-шихъ вліяній среды, воспитанія, традицій, дѣлаютъ потомъ изъ однихъ — фанатиковъ пессимизма, не вѣрящихъ въ по-